

ОНТОЛОГИЯ ВЛАСТИ И ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

© 2016 МИРЯСОВ Ю. А.

УДК 330.101.2

Мирясов Ю. А. Онтология власти и ее интерпретации в экономической теории

Цель статьи состоит в рассмотрении онтологических оснований современной экономической теории, которые определяют как непосредственно предметную область исследования, так и методологические подходы к ее изучению. Дифференциация научных онтологий, или представлений о реальности, ведёт к различиям в объяснении значительного круга вопросов, в частности к различиям в интерпретации концепции власти в экономической науке. Изучение и обобщение принципов неоклассического мейнстрима и методологически сопряженных с ним направлений позволяет охарактеризовать научную онтологию, лежащую в их основе, как «эмпирический реализм». Альтернативной ему может служить онтология «критического реализма», в рамках которой власть выступает системной характеристикой экономических отношений, определяя глубинные тенденции и направления системной эволюции. Показано, что отдельные положения исследовательской программы марксизма, такие как классовая структура, рынок, социальная конкуренция, согласуются с онтологией критического реализма и могут служить перспективой для изучения существенных проблем экономического развития и трансформации общества. В частности, они могут быть применимы для изучения роли капитала как фактора власти в национальной и глобальной конкуренции.

Ключевые слова: онтология, позитивизм, критический реализм, экономическая власть, принуждение, покупательная способность.

Рис.: 1. Библи.: 13.

Мирясов Юрий Александрович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и экономических методов управления, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина (пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина)

E-mail: miryur@mail.ru

УДК 330.101.2

UDC 330.101.2

Мирясов Ю. О. Онтологія влади та її інтерпретації в економічній теорії

Мета статті полягає в розгляді онтологічних підстав сучасної економічної теорії, які визначають як безпосередньо предметну область дослідження, так і методологічні підходи до її вивчення. Диференціація наукових онтологій, або уявленнє про реальність, веде до відмінностей в поясненні значного кола питань, зокрема до відмінностей в інтерпретації концепції влади в економічній науці. Вивчення та узагальнення принципів неокласичного мейнстріму і методологічно пов'язаних з ним напрямків дозволяє охарактеризувати наукову онтологію, що лежить в їх основі як «емпіричний реалізм». Альтернативною йому може служити онтологія «критичного реалізму», в рамках якої влада виступає системною характеристикою економічних відносин, визначаючи глибинні тенденції та напрямки системної еволюції. Показано, що окремі положення дослідницької програми марксизму, такі як класова структура, ринок, соціальна конкуренція, узгоджуються з онтологією критичного реалізму і можуть служити перспективою для вивчення суттєвих проблем економічного розвитку і трансформації суспільства. Зокрема, вони можуть бути застосовні для вивчення ролі капіталу як фактора влади в національній та глобальній конкуренції.

Ключові слова: онтологія, позитивізм, критичний реалізм, економічна влада, підпорядкування, купівельна спроможність.

Рис.: 1. Біблі.: 13.

Мирясов Юрій Олександрович – кандидат економічних наук, доцент, доцент кафедри економічної теорії та економічних методів управління, Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна (пл. Свободи, 4, Харків, 61022, Україна)

E-mail: miryur@mail.ru

Miriasov Iu. O. The Ontology of Power and Its Interpretation in the Economics

The article is concerned with considering the ontological foundations of the modern economic theory, which determine both directly the subject area of research and the methodological approaches to its studying. Differentiation of scientific ontologies, i.e. perceptions of reality, leads to differences in explaining the large circle of issues, in particular, differences in the interpretation of the concept of power in the economic science. Studying and generalizing principles of the neoclassical mainstream together with the methodologically related directions provides characterization of the substant scientific ontology as «empirical realism». An alternative can be the ontology of «critical realism», according to which power acts as a system characteristic of economic relations, identifying the underlying trends and directions of system evolution. It has been displayed that certain provisions of the Marxism research program, such as class structure, market, social competition are consistent with the critical realism ontology and can serve as a prospect for studying the essential problems of economic development and transformation of society. In particular, they can be applied while studying the role of capital as a factor of power in the national and global competition.

Keywords: ontology, positivism, critical realism, economic power, coercion, purchasing power.

Fig.: 1. Bibli.: 13.

Miriasov Iurii O. – PhD (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Economic Methods of Management, V. N. Karazin Kharkiv National University (4 Svobody Square, Kharkiv, 61022, Ukraine)

E-mail: miryur@mail.ru

Одним из вопросов, по-разному раскрываемый в экономической ортодоксии и альтернативных концепциях, является вопрос о роли власти в экономике. Можно выделить три основных подхода к освещению данной проблемы.

1. Власть – это случайный признак рыночных отношений, она возможна только как результат искажения свободных рыночных сил.

2. Власть существует или может иметь значение в отдельных ситуациях, но всегда вторична по отношению к рынку.

3. Власть это системная характеристика общественных отношений, определяющая их глубинные тенденции и направления эволюции.

Такая разница в подходах может быть объяснена противоположностью научных онтологий, лежащих в их основе. Философский термин «онтология» выражает отношение субъекта познания к реальности, к вопросам бытия. Представление о том, как устроен мир, как организованы события, как соотносятся состояния дел и положения вещей в нём, является основой любого, в том числе научного, мировоззрения. В науке онтоло-

гические основания определяют путь познания, выбор методов исследования, способ отбора и анализа фактов и событий, организованных вокруг принятой гипотезы о структуре и логике развития исследуемого объекта.

Онтология является категорией философии и традиционно разрабатывается в рамках данной науки. Онтологический поворот в экономической теории начался сравнительно недавно, в конце XX века. В первую очередь благодаря работам Р. Бхаскара [9], а в дальнейшем А. Коляе, Т. Лоусона [5], У. Мяки, Дж. Палермо [13], А. Соьера, С. Флитвуда [12], Г. Эрбара [11] возникла идея «переориентации» традиционной неоклассической методологии и создание научной альтернативы на базе онтологии критического реализма. В отечественной литературе этот поворот остался практически без внимания. Тем не менее, онтологические основания экономической науки в целом или с точки зрения анализа отдельных концепций и направлений раскрываются в трудах О. Ананьина [1], И. Болдырева [2], О. Кошовец [3], Т. Решетняк, В. Степина, Е. Стрижак, А. Субетто, Я. Тарароева [8], И. Филатова.

Можно предположить, что, поскольку представления о реальности, которая должна быть исследована, не совпадают, то и траектории основных направлений экономической теории в понимании концепции власти также существенно расходятся. Целью данной статьи является определение онтологических оснований экономической теории, которые формируют её предметную область, методологию и, исходя из этого, представление о роли и значении фактора власти в системе экономических взаимодействий.

Онтологической платформой, на которой строится корпус современной неоклассической ортодоксии, является позитивизм. Получивший свое начало в работах Конта, Спенсера и развитие в идеях Витгенштейна, Рассела, Поппера и других философов, одну из главных своих установок позитивизм декларирует как «реально то, что наблюдаемо». Согласно такой трактовке реальности, которая может быть охарактеризована как *эмпирический реализм*, существующий мир, реальность проявляет себя через наблюдаемые события, факты (позитивное), которые непосредственно отражаются в восприятии, человеческом опыте (эмпирическое). Области «фактического», или позитивного, в виде событий и положения дел, и «эмпирического» – их восприятия через опыт и обобщение путём познавательной активности в такой онтологии практически совпадают, эмпирическое становится синонимом реального. Процесс познания с позиции эмпирического реализма заключается в отборе и анализе регулярностей, то есть повторяющихся эмпирически связанных фактов, обладающих стабильными характеристиками, а установление зависимостей между ними может быть представлено в определенной теоретической схеме или модели. При этом за самими фактами не следует искать какой-либо внутренней сущности, скрытых причин и порождающих их механизмов. Этот эмпирический реализм, опирающийся на позитивистскую программу, в экономической науке достаточно чётко прослежива-

ется по линии индуктивизм Дж. С. Милля – частичный анализ А. Маршалла – позитивизм М. Фридмана [1]. Сама власть принципиально не может стать объектом изучения эмпирического реализма, поскольку как сила или системный механизм она рассеяна в системе межсубъектных взаимодействий, организованной по законам идеальной (Вальрасовой) конкуренции. Согласно этим законам субъекты с их природными способностями имеют возможность выбора среди множества эквивалентных межсубъектных отношений, в которые они вступают и всегда свободны отказаться от сделки, если их интересы нарушаются. В таком контексте никто не может на самом деле осуществлять власть над кем-либо еще, и присутствия власти в таком положении вещей нет. Тем не менее, отдельные фактические проявления власти не позволяют полностью исключить её из контекста неоклассической ортодоксии. В первую очередь это касается теории несовершенных рынков, для которых признается концентрация экономической власти, имеющая даже свое эмпирическое выражение в виде различных индексов (концентрации, Лернера, Герфиндаля). Однако принципиально власть рассматривается не как характеристика системы и даже не как её признак, а как отклонение от системных правил, основным из которых является совершенная конкуренция.

В исследовательской программе новой институциональной теории само признание институциональных ограничений неявно вводит власть в анализ социальных процессов. Однако онтология эмпирического реализма в анализе социального взаимодействия не позволяет выделить её как реально существующую силу. Действие власти ограничивается исследованием «природы фирмы» как рыночного института и внутрифирменного взаимодействия. Отправным моментом в направлении признания существования власти стала идея Коуза о иерархической структуре фирмы, которая является «командной экономикой в миниатюре». Она же породила дискуссию и значительный диапазон трактовок власти и как характеристики фирмы, и как экономической системы в целом. Спектр позиций здесь достаточно широк: от полного отрицания власти (Алчиан, Демсец) до утверждений, что деятельность фирмы координируется скорее структурой власти, нежели рыночным обменом (Коуз, Харт, Даль), или признания роли власти в экономике в целом (Боулз, Гинтис, Крепантти) [13]. Тем не менее, методологический индивидуализм, лежащий в основе нового институционализма, сводит сложность отношений между социальными группами, организациями или классами к уровню межсубъектного взаимодействия. Наиболее очевидно это проявляется в анализе противоречий и конфликтности интересов между капиталистом и работниками внутри фирмы, где тот и другой рассматриваются как индивидуумы, стремящиеся оптимизировать результаты своего поведения в условиях заданных институциональных ограничений. В итоге социальная природа власти устраняется из контекста. Власть рассматривается как следствие различий в природных способностях людей и является производной от рыночных отношений. Иерар-

хии как проявление власти признаются реально существующими для ситуаций «провалов рынка», в которых принцип эквивалентности и добровольности в обмене исчезает – например, в случае обладания специфическими ресурсами, асимметричности информации или неполноты контрактов.

В качестве альтернативы онтологии эмпирического реализма с её позитивистской установкой на анализ эмпирического как реально существующего философская доктрина критического реализма предлагает общественным наукам более глубокую онтологию, ориентирующую на выявление сущностных связей в мире наблюдаемого и эмпирического. Согласно критическому реализму наряду с областью фактического и эмпирического, которые относительно автономны, существует область реального – тот уровень бытия, который независим от субъекта и его активности, и в этом смысле остаётся неизменным. На этом глубинном уровне взаимодействуют структуры и внутренние силы, управляющие течением событий в системе, частью которых они являются.

Когда реальные силы и структуры активируют свои причинные механизмы, они проявляется через наблюдаемые явления на уровне фактического, но поскольку сами явления выступают как результат влияния нескольких сил, то эмпирически они могут представлять собой простой поток событий, не имеющих стабильных характеристик. «Конкретный механизм может приводить к совершенно разным результатам в разное время, и наоборот, одно и то же явление может иметь совершенно разные причины» [9, с. 207]. А, следовательно, обобщение эмпирически наблюдаемых событий может вести лишь к выявлению корреляций между ними, представленных в виде модели с несколькими переменными. Поскольку критический реализм позиционирует себя в качестве онтологии, понимаемой как «исследование природы бытия в целом и природы изучаемых наукой объектов, в частности» [5, с. 85], то можно сказать, что его целью являются сущности, лежащие за уровнем мира объектов – выявление структур и механизмов, которым подчинена конкретная реальность и объяснение формы этого взаимодействия.

В соответствии с критическим реализмом власть следует отнести к области глубинной сущности явлений, в отличие от онтологии эмпирического реализма, где власть – лишь частный случай или системный признак, но не характеристика самой системы. Ближе всего онтологическим установкам критического реализма соответ-

ствуют исследовательские программы традиционного институционализма, марксизма, отдельные концепции посткейнсианского направления. Ниже мы попытаемся рассмотреть концепцию власти с позиции марксистской теории в соответствии с онтологией критического реализма. Для этого представляется необходимым вначале обратиться к содержанию понятия власти.

Сам по себе термин «власть» несёт в себе различные семантические оттенки, связанные, в том числе, и с особенностями его использования в языке. В русском языке основным значением данного понятия является подчинение чьей-либо воле, контроль над поведением человека. Стандартная формулировка определяет власть как возможность субъекта оказать воздействие на объект. Если такой возможности нет, то нет и власти. Однако власть – это ещё и возможность (способность, право) действовать тем или иным образом. Смысловая нагрузка в этом случае является более широкой: «власть» здесь выражает возможность делать или не делать что-то. Идея о необходимости концептуализации данного понятия в отношении определенной ситуации или проблемы была высказана Э. Голдменом. Подчеркивая, что центральной идеей в понятии власти... является достижение желаемого, он отмечает, что «было бы неправильным считать, что когда кто-то достигает желаемого, он обязательно имеет власть... Даже тот, кто регулярно достигает того, что хочет, не обязательно обладает властью», поскольку возможно, он только приспосабливается к изменяющимся обстоятельствам, корректируя в соответствии с ними свои предпочтения [10, с. 223].

Отсюда следует вывод о необходимости различения как минимум двух значений данного термина – власть как возможность делать что-то, или «власть для» (*power to do*), и власть как влияние, «власть над чем-то» (*power over somebody*). Отметим, что в обыденном языке «власть» используется в обоих значениях одновременно. Одни исследования делают акцент на первом значении (Т. Парсонс, П. Моррис, Э. Голдмэн и др.), другие рассматривают данную проблему преимущественно с позиции «власти над кем-то» (М. Вебер, Ф. Оппенгейм, Д. Истон, Д. Картрайт, Б. Бэрри, Д. Ронг, С. Льюкс). Тем не менее, большинство сходится в том, что между этими смыслами существует тесная связь. «Считается общепринятым, что власть сделать что-то («власть для») является, в определённом смысле, основой «власти над», и «власть над» часто объясняется с помощью «власти для» [4, с. 164].

Рис. 1. Стратифицируемая онтология критического реализма

Чтобы объяснить этот тезис, обратимся сначала к понятию «власти для». Наличие у субъекта (физического лица, фирмы, организации, государства) возможностей/ресурсов для осуществления этой власти и наличие ограничений определяют набор возможных вариантов принятия решений и диапазон его возможных действий. Множество возможных наборов индивидуального поведения и принятия решений можно определить как «систему принятия решений». В этой системе отношения между отдельными его вариантами могут принимать различные формы. В одних случаях индивидуальные наборы принятия решений могут быть просто несоизмеримы, например, если А стремится получить X, но не Y, тогда как Б может выбрать Y, но не X. В этом случае ограничения в принятии решения для А и Б отсутствуют. Если же набор принятия решений А включает в себя один из наборов Б, тогда у Б возникают ограничения в выборе, которых нет у А. Такие ограничения неизбежны из-за социального характера взаимодействия, подразумевающего определённую конфликтность целей и интересов: «какая-то степень конфликта целей, очевидно, является обязательным условием осуществления власти (но не *обладания* властью) в ее наиболее общем смысле» [4, с. 198]. Очевидно, чем меньше ограничения и шире набор принятия решений, тем шире диапазон возможных действий субъекта. Например, можно говорить, что величина располагаемого дохода определяет покупательную возможность индивида, а наличие трудовых, капитальных, природных ресурсов – уровень развития страны. Доход или ресурсы здесь следует понимать как возможность реализации «власти для» в виде покупательной способности или уровня развития.

«Власть над» можно рассматривать как способность изменить «власть для» других агентов. Например, А будет иметь власть над Б, если выбор Б зависит от конкретных действий выбранных А в его собственном наборе принятия решений. Это может произойти, во-первых, когда А способен влиять на цели Б, и, во-вторых, когда А может каким-либо образом ограничить набор принятия решений Б. Поскольку в социальной системе цели и наборы принятия решений агентов всегда зависят друг от друга, наличие «власти над» будет связано с распределением «власти для» в системе. Если «власть для» распределена симметрично и каждый агент обладает множеством равнозначных вариантов выбора при отсутствии ограничений (как в модели совершенной конкуренции), то «власть для» будет практически невозможна. «Власть над» возникает только при асимметричном распределении «власти для», где асимметричность определяет возможность установления ограничений на принятие решений со стороны других субъектов. В наиболее сильной её форме «власть над» проявляется как отношение принуждения/подчинения: А может приказывать Б делать что-то, и Б вынужден подчиняться. В терминах ограничений власть А над Б есть выражение способности А ограничивать набор принятия решений Б установлением для него только одного варианта выбора. Концептуально важным здесь является понимание того, что анализ «власти для» всегда логически предшествует анализу «власти над»,

поскольку «власть над» всегда включает в себя «власть для», но не наоборот» [4, с. 171]. В этом смысле «власть над» – это только видимая вершина отношений, которая выделяется над поверхностью отношений «власти для». Очевидно также, что эти два понятия, тесно связанные между собой, несут абсолютно разную смысловую нагрузку. Термин «власть для» является одномерной характеристикой власти и может применяться при описании поведения отдельного субъекта, когда объект власти, возможно, вообще отсутствует. Тогда как «власть над» предполагает хотя бы один субъект и минимум один объект, на которого направлена (или может быть направлена) власть.

Идея власти как системной характеристики социального взаимодействия в марксизме прослеживается достаточно чётко. Отправным моментом анализа является представление об экономике не просто как о системе взаимодействия индивидуальных интересов, а как системе общественных отношений и социальных сил. «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу» [7, с. 214]. Капитализм как форма общественного устройства, в понимании Маркса, представляет собой систему общественного товарного производства. Поэтому товар является исходным моментом самой системы и основной категорией, через которую раскрываются её основные признаки, а именно – частная собственность, рынок и конкуренция.

Частная собственность как институт фиксирует и закрепляет отношение агентов к ресурсам и их распределение между ними. Само наличие частной собственности предполагает наличие властных отношений, поскольку собственность исходно распределена асимметрично: чем больше собственность, тем больше возможности и шире набор индивидуального принятия решений, или того, что мы называем «власть для».

Рынок – это система связи между индивидуальными субъектами, которые вступают в сделки по поводу обмена имеющихся у них благ. Но рынок – это еще и способ координации социальных индивидов, со сходящимися и расходящимися социальными интересами. Понимаемый узко (как в первом случае), рынок представляется как сеть обменных операций, отвечающий принципам совершенной конкуренции. В этом случае, действительно, равноправные субъекты вступают в сделки и всегда могут отказаться от них, если условия сделки предполагают ограничения или недостаточны с точки зрения их целей и предпочтений. В такой сети обмена власть не существует. Если же рынок – это способ координации социальных интересов, то различные социальные группы (классы) обладают различными возможностями при заключении сделок.

Поскольку «власть для» как таковую мы определили как множество возможных индивидуальных наборов поведения и принятия решений сделать (или не сделать) что-то, то в терминах рынка «власть для» выступает как покупательная власть, или способность купить (или не купить) что-то. Покупательная власть/способность всегда присутствует в системе, основанной на частной

собственности и рынке. Она определяется распределением прав собственности и множеством цен, которые определяют бюджетные ограничения каждого агента. А поскольку существует асимметричность в распределении частной собственности, «власть для»/покупательная власть с точки зрения социального взаимодействия также распределена неравномерно. Всегда есть группы людей, обладающие большей или меньшей покупательной способностью. Остается выяснить, каким образом структура горизонтальных взаимодействий «власти для»/покупательной власти отдельных индивидов на рынке трансформируется в вертикальную структуру принуждения, или «власти над». Различия в покупательной способности, её недостаточность или отсутствие – это экономическое ограничение, которое вынуждает одних работать (добровольно), нанимаясь к другим. К. Маркс определяет такие группы как классы в лице наемных работников (L) и капиталистов (K), исходя из их отношения к средствам производства. Первые, являясь юридически свободными, не имеют иных источников дохода и вынуждены продавать свой труд ради получения покупательной власти. Вторые, обладая значительной покупательной властью или капиталом, имеют возможность использовать труд ради увеличения своей покупательной власти в обмен на предоставление части её наёмным работникам. Предоставление наёмными работниками своего труда капиталисту предполагает подчинение интересов наёмных работников интересам капиталиста. Здесь L, ограниченный своей покупательной способностью, согласен подчиниться K, который может ему её предоставить, иначе говоря, K способен влиять на цели L, а значит, возникает система принуждения, или «власть над» в отношении между классами, обладающими различной покупательной «властью для». Следует подчеркнуть, что эта форма принуждения является не следствием преднамеренного выбора более влиятельных субъектов, но, скорее, следствием действия безличных механизмов, которые подчиняются рыночным ценам.

Основным механизмом, который фиксирует и воспроизводит существующую систему власти, является конкуренция. В отличие от рыночной конкуренции, социальная конкуренция отражает конфликт интересов социальных субъектов (классов) по поводу распределения власти. Расстановка сил здесь очевидна: работники вынуждены работать, чтобы получить небольшую долю покупательной власти, тогда как капиталисты заранее обладают ею благодаря своему капиталу. Поэтому в межклассовой конкуренции одна сторона стремится сохранить status quo, другая – перераспределить в свою пользу. Наряду с межклассовой конкуренцией действует также конкуренция внутри классов. Более интенсивна она внутри менее сильного класса, т. е. класса работников, а значит, этот класс слабее по отношению к другим. Обе формы социальной конкуренции выражают себя в динамике безработицы, динамике заработной платы и рыночной власти.

Безработица изначально воспринимается как привычная и постоянная характеристика современного спо-

соба хозяйствования. Однако странно было бы искать её причины исключительно в рыночном неравновесии. Безработица необходима капиталу, в этом он непосредственно заинтересован. Как бы теоретически не обосновывалась необходимость «естественной» безработицы, развития гибких форм занятости, увеличения времени обучения работника и т. д., в конечном счете, всё это проявления «резервной армии труда», порождаемой капиталом и поддерживаемой на нужном уровне. Чем выше уровень безработицы, тем большей степенью власти в межклассовой конкуренции он обладает, тем больше у него возможности минимизации издержек, увеличения прибыли и накопления.

Заработная плата, если конкуренция среди работников сильна, имеет тенденцию снижаться до уровня, ниже которого работник не станет предлагать свой труд. Этот уровень, или стоимость рабочей силы, относителен и определяется исходя из «средних потребностей и степени цивилизации работников» [6]. Аналогично, если спрос на товары растёт, а резервная армия свободных рабочих рук невелика, рост конкуренции среди капиталистов ведет к росту зарплат. Однако как только возникают риски снижения нормальной средней прибыли, капиталистическая конкуренция не теряет обороты, а рост зарплат прекращается.

Рыночная власть как следствие экономической власти возникает в виде способности фирмы устанавливать и поддерживать цену, независимо от рыночных цен. Внутрикласовая конкуренция между капиталистами ведёт к применению более эффективных технологий, а рост отдачи от масштаба и разделение труда ускоряет накопление и рост концентрации капитала. Этому способствует также стремление к слияниям и поглощениям. Как следствие, всё меньшее число капиталистов концентрирует у себя всё больше капитала, что ведет к усилению монополий, т. е. рыночной власти. А рыночная власть, в свою очередь, усиливает асимметричность распределения покупательной власти/способности.

Подобные процессы, порождаемые конкуренцией внутри и между классами, следует понимать в общем, как тенденции в распределении власти, которым следует экономика. И хотя сейчас регулирование безработицы, определение заработной платы, антимонопольная политика представляет собой сложный комплекс мер с участием самых разных социальных структур и институтов, которые могут тормозить или усиливать эти тенденции, они, тем не менее, действуют как силы, определяющие капиталистический способ социального взаимодействия.

ВЫВОДЫ

Существуют тенденции, задающие общий вектор развития или отражающие способ функционирования исследуемой системы. Эти тенденции определяются внутренними структурами, причинными силами и механизмами, действующими на уровне реального. Они не обнаруживаются с помощью органов чувств или технических систем непосредственно, а только рационально с

помощью логики. События или положения дел, изменения свойств и качеств объектов на уровне фактического, доступного наблюдению является следствием действия одной или нескольких подобных тенденций. С позиций КР логика исследования должна обращаться в первую очередь к обнаружению действия внутренних сил, определяющих эволюцию и развития самой системы. В анализе социально-экономических систем одной из таких сил является власть – как внутренняя существенная системная характеристика любого социального взаимодействия.

Большинство теорий, придерживающихся онтологии и методологических приёмов эмпирического реализма, рассматривает власть как поверхностную форму межличностных отношений, где отношения власти существуют как ситуативные проявления рыночной власти. В отличие от них методология К. Маркса и онтологическая программа критического реализма позволяет представить капитализм как систему власти, в которой экономическая власть и принуждение зависят от распределения покупательной власти. Структурой, порождающей власть, является классовая структура, основанная на частной собственности и свободном обмене. В этих структурных рамках власть как покупательная способность и как возникающее на её основе принуждение постоянно воспроизводится и переходит из одной формы в другую. Социальная конкуренция выступает тем механизмом, благодаря которому результат действия сил власти в виде тенденций динамики безработицы, уровня зарплат, концентрации капиталов и рыночной власти отражается на уровне фактического. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ананьин О. И.** Онтологические предпосылки экономических теорий / О. И. Ананьин. – М. : Ин-т экономики РАН, 2013. – 50 с.
2. **Болдырев И.** Онтология ортодоксальной экономической науки: проблемы построения и интерпретации [Электронный ресурс] / И. Болдырев. – Режим доступа : <http://institutiones.com/general/1076-ontologiya-ortodoksalnoj-ekonomicheskoy-nauki>
3. **Кошовец О. Б.** Онтологический анализ отношения теории и реальности в методологии экономической науки / О. Б. Кошовец, И. Э. Фролов, А. В. Чусов // *Философия и общество*. – 2015. – № 1. – С. 156–176.
4. **Ледяев В. Г.** Власть: концептуальный анализ / В. Г. Ледяев. – М. : РОССПЭН, 2001. – 384 с.
5. **Лоусон Т.** Современная «экономическая теория» в свете реализма [Электронный ресурс] / Т. Лоусон. – Режим доступа : http://elibrary.org.ua/economics/ua_show_archives.php?archive
6. **Маркс К.** Капитал: критика политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс. // Соч. Т. 23. – 2 изд. – М. : Изд-во политической литературы, 1968.
7. **Маркс К.** Экономические рукописи 1857–1859 / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. Т. 46, ч. 1. – 2 изд. – М. : Изд-во политической литературы, 1968.
8. **Тараров Я.** Онтологические основания физического знания и современная экономическая теория / Я. Тараров, Н. Иваненко // *Вопросы философии*. – 2011. – № 12. – С. 47–56.
9. **Bhaskar, R.** A realist theory of science / R. Bhaskar. – 2nd Edition, Hassocks : Harvester Press, 1978.

10. **Goldman, A.** Toward a Theory of Social Power / A. Goldman // *Philosophical Studies*. – 1972. – Vol. 23, No. 4. – P. 221–268.

11. **Ehrbar, H. G.** Critical realist argument in Marx's Capital / H. Ehrbar // *Critical Realism and Marxism*. – London : Routledge, 2001.

12. **Fleetwood, S.** Causal laws, functional relations and tendencies / S. Fleetwood // *Review of Political Economy*. – 2001. – Vol. 13 (2). – P. 201–220.

13. **Palermo, G.** Economic power and the firm in new institutional economics: two conflicting problems / G. Palermo // *Journal of Economic Issues*. – 2000. – Vol. 34, No. 3. – P. 573–601.

REFERENCES

Ananin, O. I. *Ontologicheskiye predposylki ekonomicheskikh teorii* [Ontological preconditions of economic theories]. Moscow: In-t Ekonomiki RAN, 2013.

Boldyrev, I. "Ontologiya ortodoksalnoy ekonomicheskoy nauki: problemy postroyeniya i interpretatsii" [Ontology of orthodox economics: the problem of construction and interpretation]. <http://institutiones.com/general/1076-ontologiya-ortodoksalnoj-ekonomicheskoy-nauki>

Bhaskar, R. *A realist theory of science*. Hassocks: Harvester Press, 1978.

Ehrbar, H. G. "Critical realist argument in Marx's Capital". In *Critical Realism and Marxism*. London: Routledge, 2001.

Fleetwood, S. "Causal laws, functional relations and tendencies". *Review of Political Economy*, no. 13 (2) (2001): 201–220.

Goldman, A. "Toward a Theory of Social Power". *Philosophical Studies*, vol. 23, no. 4 (1972): 221–268.

Koshovets, O. B., Frolov, I. E., and Chusov, A. V. "Ontologicheskyy analiz otnosheniya teorii i realnosti v metodologii ekonomicheskoy nauki" [The ontological analysis of the relationship of theory and reality in the methodology of economics]. *Filosofiya i obshchestvo*, no. 1 (2015): 156–176.

Ledyayev, V. G. *Vlast: kontseptualnyy analiz* [Power: conceptual analysis]. Moscow: ROSSPEN, 2001.

Louson, T. "Sovremennaya «ekonomicheskaya teoriya» v svete realizma" [The modern "economic theory" in the light of realism]. http://elibrary.org.ua/economics/ua_show_archives.php?archive

Marks, K., and Engels, F. "Kapital: kritika politicheskoy ekonomii" [Capital: A Critique of Political Economy]. In *Sochineniya*, vol. 23. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1968.

Marks, K., and Engels, F. "Ekonomicheskkiye rukopisi 1857–1859" [Economic Manuscripts 1857–1859]. In *Sochineniya*, part 1, vol. 46. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury, 1968.

Palermo, G. "Economic power and the firm in new institutional economics: two conflicting problems". *Journal of Economic Issues*, vol. 34, no. 3 (2000): 573–601.

Tararoyev, Ya., and Ivanenko, N. "Ontologicheskiye osnovaniya fizicheskogo znaniya i sovremennaya ekonomicheskaya teoriya" [Ontological foundation of physical knowledge and modern economic theory]. *Voprosy filosofii*, no. 12 (2011): 47–56.